

Юрий Харитонов

Генезис Мрака

УДК 82-312.9
ББК 84-445
X20

Харитонов Ю.

X20 Генезис Мрака / Юрий Харитонов. – М.: Литнет, 2026. – 382 с.

ISBN 978-5-521-94153-7

Охваченная отчаянием, графиня ди Ванэско решает отыскать Саббатона, чтобы вернуть себе утраченную магическую силу. Но коварный Совет Семи, прежде предлагавший ей союз в борьбе с тьмой, теперь выступает против и заключает графиню под стражу. Тем временем в Тантаре, терзаемой демоническими силами, Саббатон, отчаянно сражаясь за выживание, осознает, что неведомым образом забрал силу у Юлии. Он вызывает к Ване с предложением о помощи, но получает решительный отказ. Тогда маг ставит ей жестокий ультиматум: либо Юлина сила добровольно подчинится ему, либо он, используя тьму как оружие, сломит волю Вани и сделает её своей рабыней.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94153-7

© Литнет, 2026

© Харитонов Ю., 2026

Глава 1

Саббатон

Словно безбрежный океан из серой ваты, небо растекалось над горизонтом, непрестанно орошая землю противным дождём. Холодные струи, словно слезы небес, хлестали по лицу, заполняя распахнутые глаза и стекая по вискам к ушам, смывая в грязь последние проблески надежды.

В ржавой железной клетке, где ржавые прутья, словно хищные пальцы, казалось, впивались в его плоть, Саббатон чувствовал себя беззащитным пленником. Сколько дней и ночей он трясся в этом кошмаре под проливным дождём, он уже не помнил. Время словно растворилось в серой пелене дождя и безысходности.

Детство, беззаботное и безмятежное, словно ускользающая тень, давно покинуло его, оставив лишь пустоту и горечь утраты. Юношеские бури и терзания, положенные каждому мальчику на пути к взрослению, давно угасли в его душе, оставив лишь пепел разочарования и равнодушия. Взрослость, манящая и пугающая одновременно, казалась ему недостижимой вершиной, окутанной туманом неизвестности. Всё давно перебродило внутри и испарилось вместе с желанием стать взрослым. Ведь старшие такие гадкие. Отвратные. Мерзостные...

Образ брата Кардана, погибшего тридцать лет назад, терзал его душу, не давая покоя ни днем, ни ночью. Его грозный силуэт с окровавленным мечом навис над мальчиком, изгоняя его из замка в жалкую унылую жизнь будущего пажа ведьмы.

В его душе клочкотала яростная буря. Злость, тлеющая в нем долгие годы, разгорелась с новой силой с появлением в его судьбе Юлии, убогой племянницы.

«О, Тёмный Властелин, за что ты обрушил на меня это испытание? Неужели это очередная насмешка судьбы, посланная мне мёрт-

вым братом? Чтобы окончательно сломить меня, втоптать в грязь жалкие крохи моей гордости?»

В отчаянии он взывал к неведомым силам, не в силах смириться с несправедливостью судьбы.

Вспомнив о потерянной руке, Саббатон ощутил, как в нем с утренней силой вскипает ярость, словно клубок раскалённых змей. Фантомная боль пронзила его, и он, стиснув зубы, сжал воздух, словно сжимая в ней свою утраченную руку. Зуд, словно рой голодных мух, терзал его даже в объятиях сна. А по ночам ему снилось, что на месте раны вырастает нечто мерзкое и чужеродное, предвестник новых мучений и изгнания.

Страх сковывал его, не позволяя сорвать с культи окровавленную повязку. Взглянув на рану, он с ужасом увидел: из лоскутов окровавленной плоти и запёкшейся крови, словно из кошмарного сна, проступало нечто уродливое и противоестественное. Он с дрожью в руках забинтовал культю, стараясь утаить от самого себя мерзкое изменение, что творилось под повязкой. С тех пор он не решался снять повязку, чувствуя, как под ней что-то шевелится, словно зарождалась новая, жуткая жизнь.

Зажмурив глаза, Саббатон смыл с них ледяные струи дождя и, свернувшись в комок, попытался согреться. Холод пробрался до самых костей, и он инстинктивно свернулся в клубок, ища хоть каплю тепла. Вокруг него заворочались люди, недовольно бормоча во сне.

– Тихо ты там! – прошипела сквозь сон обнажённая женщина.

Где-то рядом всхлипнула маленькая девочка. Кто-то грубо толкнул его ногой в спину, а затем, не церемонясь, закинул на него свою тёплую ногу. Тепло чужого тела немного согрело Саббатона, но он все ещё дрожал от холода и отчаяния.

Стиснув зубы, Саббатон проглотил обиду. По вине Юлии он стал невольником, бездомным рабом, которого везли на продажу. Позади остались Кагода, развалины родного замка ди Ванэско, Оурден и ещё несколько деревень. Повозка монотонно катила на запад. Ку-

да именно – неизвестно. Солдаты, управлявшие этими тюремными повозками, что-то бормотали о Катре и невольничьем рынке, организованном там на скорую руку. С каждой лигой вереница этих тюрем на колёсах становилась все длиннее. Ловили всех, кого могли, без разбора.

В который раз Саббатон мысленно прокручивал события тех дней, пытаясь понять, как он так глупо попался в руки мародёров. Разбитые на поле боя, они сбились в шайки и, не найдя иного применения своим «боевым» навыкам, пустились в охоту за людьми. В его памяти, словно в тумане, вновь и вновь проносились те роковые события...

От вида мальчика конь вначале шарахнулся, словно от чудовища, но потом успокоился и фыркнул, обнюхав здоровую руку Саббатона. Мальчик запрыгнул в седло, крепко зажал поводья культей и ударил пятками по бокам.

Энея и Яон провожали его призрачным светом, пока не растворились вдали. Конь мчался, повинаясь лишь инстинктам. Дважды он спотыкался, и Саббатон едва не вылетел из седла, но обмотанная вожжами культя удержала его. Невыносимая боль пронзила руку, возвращая мальчика в реальность. Он пришпорил коня, и тот скакал до изнеможения, пока не рухнул замертво, едва не придавив Саббатона. Пронзительная боль вновь пронзила руку, и где-то рядом прозвучал тихий шёпот, показавшийся мальчику угрозой: «Ты будешь страдать...».

Лишь эхо того голоса, что тридцать лет терзало его душу, умоляя открыть дверь в этот мир.

– Плевать! – прошептал Саббатон, высвободив культю из вожжей. Он поднялся и растворился в непроглядной тьме. Сколько бы он ни вглядывался в неё, пытаясь разглядеть хоть что-то, тщетно.

Вокруг царила тишина, будто конь унёс его далеко от поля битвы, где стихли стоны и лязг оружия. В измученном сознании мальчика роились образы чудовищ, но чем могли они его напугать, выдавшего кошмары куда страшнее за тридцать лет жизни с Жанной?

– Жрите, да не подавитесь! – бросил Саббатон в темноту, обращаясь к неведомым тварям, и упал рядом с мёртвой лошастью. Он прижался к тёплому, сырому боку животного, обнял культю, словно младенца, и почти сразу же заснул.

И впервые в жизни ему не снился ни Азраид, ни Кардан, ни другие кошмары, терзавшие его все эти годы. Будто с исчезновением Владыки Мрака ушли и его жуткие посланники.

Саббатона разбудил громкий чавкающий звук, словно рядом пиروвали дикие звери. Он открыл глаза, но тьма была непроглядной. Значит, сон был так короток, что ночь не успела укрыться своим покрывалом. Лишь яркие звезды давали понять, что он еще жив, а не растворился в вечной темноте, как все живое.

Он приподнялся из-за туши мертвой лошади, которая сотрясалась от резких движений неведомого существа, терзающего ее. В темноте, едва освещаемой звездами, мальчишечьи глаза, привыкшие к мраку, различили два черных силуэта. Четыре тускло мерцающих глаза замечали его – твари были поглощены трапезой.

Саббатон не мог разглядеть, кто эти звери, но тьма его скрывала, а запах пота кобылы и крови заглушал его человеческий запах.

Страх сковал его, а мысли зароились с утроенной скоростью. Будь он настоящим магом, он бы что-нибудь сотворил, но мальчик мог лишь подавлять силу ведьм и чародеев. Что же делать с этими голодными тварями, он не знал.

Страх – главный двигатель человека. Он будит в нас дремавшие инстинкты и задействует неведомые механизмы, помогая вырваться из пасти смерти.

Саббатон медленно и осторожно попятился. Его худое тело почти не ощущало сухой травы. Но он не мог оторвать взгляд от левой руки – резкая боль могла выдать его. Сорокалетний мальчишка, затаив дыхание, уполз к ближайшему валуну. Но темнота сыграла с ним злую шутку – под рукой не оказалось опоры, и он кувыркнулся назад.

Склон был крутым настолько, чтобы скатиться, но не сорваться вниз. Саббатон пытался зацепиться за что-нибудь, но трава вырывалась с корнем, а камни катились следом. Звери, услышав шум, пустились в погоню. Пологий склон лишь ускорял их. Мальчик слышал, как под их лапами сыпались камни, и их страшное рычание, словно они уже делили добычу, которую ещё не поймали.

Это, возможно, была его последняя горка. Звери могли догнать его, или он разобьётся о камень, и...

Мир вокруг вертелся, словно в ярмарочном колесе, куда Жанна когда-то поместила его и крутила до изнеможения, забавляясь не мальчиком, а своей властью над ним.

Теперь же было ещё страшнее – темнота не позволяла разглядеть, куда несётся мальчик, а мелкие камни рвали в клочья одежду и, наверное, его кожу. Он чувствовал боль везде, и в последние мгновения старался прикрыть руками голову. Одной рукой... и единственная мысль пульсировала в голове: «Куда же я качусь?»

Это всё, что успело промелькнуть в его сознании. Склон неожиданно оборвался, и Саббатон полетел в пропасть. Из груди вырвался первобытный крик отчаяния, и... мальчик рухнул на что-то мягкое и шевелящееся.

Это существо, вскочив на ноги, осыпая мальчика ругательствами, направило на него меч, блеснувший в свете крохотного костра, невидимого сверху. Рядом тут же зашевелились, просыпаясь, другие люди. Солдаты короля, а это были именно они, удивлённо смотрели на мальчика и нехотя тянулись к оружию. Но когда на воина, разбуженного Саббатонном, набросились преследовавшие мальчишку звери, все вскочили и бросились во тьму, спасти товарища.

Статный светловолосый мужчина с острым взглядом остался один. Пока Саббатон корчился от боли, он внимательно его разглядывал.

– Кто ты, парень? Что делаешь один в такой тьме и в таких глухих местах? – спросил он, даже не моргнув на крики своих товарищей и вой тварей.

Но Саббатон, уже вскочив на ноги, бросился во тьму. Его никто не преследовал, следом лишь донёсся крик женщины:

– Стой, дурак! Куда ты? Разве во тьме лучше, чем с людьми? Эй, парень? Слышишь? Вернись! Здесь безопасно!..

Саббатон бежал, не оглядываясь. Все люди и звери были ему чужими. Он не чувствовал себя в безопасности ни с кем. Бежал, спотыкаясь и падая, пока не забился наощупь в какую-то каменную щель.

Утро окрасило небо и вершины гор в алый цвет. Мальчик, наконец, решился выползти из убежища. Горы, редкая растительность на склонах, вдалеке – дымящиеся столбы и стаи птиц над побоищем. Саббатон глянул вдоль оврага, где он оказался ночью, и с облегчением вздохнул: ни зверей, ни солдат рядом. Повезло, а то не сносить головы, а то и всего тела.

С уходом Мрака ушли и все магические «фокусы», которые когда-то творил руками мальчик. Исчезла возможность мгновенно исчезать и перемещаться на далёкие расстояния. Минувшей ночью такая магия очень пригодилась бы Саббатону, но... сейчас с ним была только способность блокировать магические силы других ведьм или волшебников. На обычных людей или тварей его сила не действовала.

Он вздохнул: «А жаль!»

Ему могли представиться безграничные возможности по управлению людьми, но... всё это ушло с Азраидом. Он дал, он и взял, хотя обещал когда-то, что Саббатон станет правителем всех земель. Какая ирония! Пока Азраид был с ним, мальчик бесспорно верил этому посулу и потому действовал. А сейчас, когда ошмётки армии Эльмира Третьего бежали и прятались в ущельях и пещерах вокруг Долины Оракулов и Красных драконов, Саббатону хочется смеяться от собственной глупости. Если даже королю с армией не удалось стать единым правителем мира, то куда ему тягаться?

Получается... Азраид лгал? Дал силу, чтобы подловить Юлию? И всё? Но это же значит, что целью Владыки Мрака был не он, а его

племянница! И теперь, когда их пути разошлись, Азраиду он вряд ли уже понадобится.

И это мальчику совсем не понравилось. Не к этому он стремился и не этого хотел. Злость с новой силой заклокотала внутри, заставляя играть мышцами скулы и в старческих спазмах сжиматься кулаки.

– Пошёл ты, призрачный бог... – прошептал Саббатон в тёмно-синее небо. – На твои обещания плевать! Слышишь? Я сам пробуюсь к власти! Обещаю! И никто! Слышишь? Никто меня не остановит! А тебя больше не пушу в голову – будешь из небытия смотреть, как я воплощаю твой замысел, но не для тебя! Слышишь?

Злость, позволившая Азраиду проникнуть в мир через Саббатона, теперь станет его опорой. Эту мысль, как мантру, мальчик повторял раз за разом, пока яркое солнце не поднялось в зенит.

Он осмотрел себя: окровавленная повязка на левой руке, тело в порезах и ссадинах, еле прикрытое рваным тряпьем, бывшим некогда крестьянской тогой. Похромал – где-то на склоне повредил колено – к ручью, что тёк по оврагу. Осмотрел унылое и худое отражение, умылся, напился и решил было идти вдоль ручья, который обязательно выведет в долину одного из предгорных графств – ди Ванэско, Олуок или Триду, но его планы опять откладывались. В ручей напротив встала чья-то голая и ужасно волосатая нога.

– Нью-ка посмётся на меня, щеньок! – приказал незнакомец с жутким акцентом. Саббатон поднял голову и обомлел. Перед ним стоял тощий и грязный тронг, из тех, что Юлия положила в горах в угоду Азраиду. Но видно один выжил.

– Ты! – рывкнул тронг, к которому пришло узнавание. Его лицо перекосило, а рука с ножом затряслась от предчувствия скорой и сладкой мести. – Этьо тыи был там! Вместе с этьой ведьмой! А нью-ка, иди суда!

Тронг, обезумев, с ножом наперевес бросился на Саббатона. Он был уверен, что мальчик помогал ведьме убивать его соплеменников в горах.

Саббатон, хотя и был ранен, ловко отскочил. Острое лезвие просвистело у самого его носа, но не задело. Тронг зарычал:

– Стоять! Отродие ведьмы! Я тебя порежу на куски...

Он прыгал, словно дикое животное – резво и точно, заставляя Саббатона отступать с такой же прытью. Любая заминка – и нож исполосовал бы его.

В итоге, камни снова сыграли свою роль. Саббатон споткнулся и упал на спину. Тронг же с яростным удовлетворением накинута на него сверху, заноса нож для смертельного удара. Но в последний момент его голова качнулась от внезапного удара, и он рухнул набок.

Саббатон удивлённо выдохнул и попытался подняться. Но вместо тронга перед ним появился уггур и, как и тронга, камнем вырубил его.

Очнувшись, Саббатон встретил злобный взгляд тронга. Угуров, те ещё шутники, связали пленников и усадили их друг напротив друга. Теперь тронг, пылающий ненавистью, мог полностью сосредоточиться на враге.

Естественно, Саббатон был вынужден постоянно ощущать на себе все чувства и мысли этого чуждого для любого нормального человека существа.

– Не ровён час, я выберусь отсюда! Но в этот раз я буду убивать тебя медленнее...

Пока тронг в подробностях расписывал мальчику свою будущую месть, Саббатон невольно оглядывался. Угуров было всего десять. Вероятно, это те, кто участвовал в битве в Долине, а потом был вынужден бежать и скрываться. Для выживания в этих землях существам, чей рост едва достигал половины человеческого, приходилось держаться группами.

Для привала они выбрали небольшую пещеру, где горел костёр. Грязные уггуровы, с давно не мытой шерстью, в пыльных и окровавленных кожаных доспехах, сидели вокруг костра, чистили оружие – короткие мечи и топоры – и что-то бурно обсуждали на своём языке.

– Я тебя... – не унимался тронг. Мальчик, наконец, не выдержал.